

Уроки Арифметики КРОВЬ ГЕНМЕР

Эшли
РОССМИТ

Эшли Россмит

Уроки арифметики. Кровь гениев

«Автор»

2026

Россмит Э.

Уроки арифметики. Кровь гениев / Э. Россмит — «Автор», 2026

Двенадцатилетний Элиас — гений, которого собственный отец продал в рабство за глоток вина. Его покупает загадочный лорд Кассиан и привозит на остров Веспер — в «Кузницу Даров», школу, где из детей с исключительными талантами куют идеальное оружие. Здесь Элиас находит друзей, врагов и свое истинное призвание — метательные кинжалы и смертельно точный расчет. Но школа скрывает страшную тайну: за турниром, где из тридцати рабов выживут только пятеро, стоит древнее зло — Морок, которому нужна кровь последнего из рода Элиаса. Самого Элиаса. Чтобы выжить, ему придется узнать правду о своем прошлом, сделать невозможный выбор и стать тем, кого боятся даже боги.

© Россмит Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	9
III	13
IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эшли Россмит

Уроки арифметики. Кровь гениев

I

Туман в долине Грохота никогда не поднимался.

Он лежал здесь всегда – серой, тяжелой ватой, заполняя щели между покосившимися избами, стелясь по грязным улицам и окутывая мир такой плотной пеленой, что даже в полдень приходилось зажигать свечи. Старики говорили, что туман этот – проклятье, насланное на деревню за грехи предков. Элиас знал точно: туман – просто туман. Водяная взвесь с известной плотностью и температурой. Никакого проклятья. Просто физика.

Но физику в деревне Грохот не любили. Как не любили и всё, что нельзя было пощупать, выпить или зарезать.

Элиас сидел на скрипучем полу своего чердака, прислонившись лбом к холодному, запотевшему стеклу единственного окошка. Снаружи, в серой мгле, угадывались смутные очертания соседних домов – кривых, убогих, таких же унылых, как и всё в этой деревне. Внизу, под половицами, гудел голос отца. Элиас не вслушивался в слова – он и так знал их наизусть.

Перед ним, на грязной доске, лежала его главная ценность. Книга.

Точнее, не книга даже – потрепанный, рассыпающийся томик «Основ механики и принципов равновесия», который он полгода назад украл у заснувшего на ярмарке писаря. Элиас знал, что воровать грешно. Но ещё он знал, что если бы не украл, то никогда не узнал бы, как работают жернова, почему телега не переворачивается на крутом повороте и откуда берутся звезды. А не знать этого было страшнее любого греха.

Он провел пальцем по странице, испещренной формулами. Здесь, в этом мире цифр и линий, всё было просто и понятно. У каждой силы была точка приложения. У каждого действия – противодействие. Мир подчинялся строгим законам, и если их знать – можно было предсказать всё. Траекторию полета камня. Скорость падения дождевой капли. Даже то, когда отец в очередной раз напьется и полезет бить.

Последнее, впрочем, не требовало формул. Достаточно было посмотреть на небо: если солнце садилось в тучу – жди беды. Алрик, отец Элиаса, всегда пил в непогоду.

– ...а он, стервец, опять! – голос отца прорвался сквозь доски, густой, как смола, и такой же липкий. – Опять с этими цифрами в голове! Чинит то, что не ломал! Показывает всем, какой он умный!

Голос матери, Марты, был жидким и усталым, как прошлогодняя похлебка:

– Успокойся, Алрик. Он же не со зла...

– Молчать! – рявкнул отец. – Из-за него мы все в деревне посмешище! «Вон идет сын пьяницы Алрика, всезнайка». Я ему покажу всезнайство!

Элиас вздохнул и прикрыл глаза. Он не «чинил». Он *оптимизировал*. Старые жернова у мельницы Крома скрипели, потому что ось была смещена на три градуса от идеальной вертикали. Он просто поправил её, подсунув под основание плоский речной камень точной толщины. Мельник, конечно, не сказал спасибо. Он перекрестился и пробормотал что-то о «нечистой силе» в пальцах мальчишки.

Три градуса. Всего три маленьких градуса, а люди готовы были сжечь его на костре.

Элиас открыл глаза и посмотрел на свои руки. Тонкие, бледные, с длинными пальцами – не такие, как у деревенских парней, мозолистые и грубые. На правой ладони, чуть ниже большого пальца, темнел странный шрам – спираль, похожая на свернувшуюся змею. Мать

говорила, он упал в костер, когда был младенцем. Элиас не помнил. Но иногда, в тишине, ему казалось, что под кожей этот узор слабо светится.

Глупости. Просто воображение.

Он выдохнул на стекло, и его дыхание нарисовало на холодной поверхности мутный круг. Элиас пальцем вывел внутри круга формулу расчета кинетической энергии падающего тела. *Если бы туман был не водяной пылью, а частицами с известной массой и скоростью ветра, можно было бы рассчитать силу давления на стену дома...*

Дверь на чердак с треском распахнулась, вырвав его из мира чисел.

В проеме, залитый тусклым светом из комнаты внизу, стоял Алрик. Его крупная фигура заполняла собой весь проход – плечистый, с налитыми кровью глазами и руками, которые умели только сжиматься в кулаки. От него несло дешевым зерновым самогоном – Элиас мог бы рассчитать концентрацию перегара в воздухе, если бы очень захотел, но не хотел.

– Ты! – прохрипел отец. – Слезай. Сейчас же.

Элиас медленно встал, инстинктивно прижимая книгу к груди. Семь шагов до лестницы. Угол наклона ступеней – сорок пять градусов. Риск падения при быстром спуске – тридцать два процента. Он спускался медленно, держась за скользкие перила, каждым мускулом чувствуя тяжелый взгляд отца в спину.

В главной комнате было грязно и бедно. Обшарпанные стены, покосившийся стол, продавленная лавка. Марта, худая, как тень, жала в углу, пряча руки в выцветшем переднике. На столе стояла почти пустая бутылка и две глиняные кружки с засохшими на доньшках остатками пойла.

Но посреди этого запустения лежал предмет, от которого у Элиаса похолодело внутри.

Старый медный медальон.

Он был единственной ценностью в доме – память о деде, которого Элиас никогда не знал. Круглый, с выгравированным на крышке странным узором, очень похожим на тот, что украшал его ладонь. Медальон лежал рядом с пустой кожаной кошачьей, и у Элиаса упало сердце.

Он знал, что это значит.

– Где деньги? – спросил Алрик тихо. Эта тишина была страшнее любого крика.

– Какие деньги? – голос Элиаса прозвучал тоньше, чем ему хотелось бы.

– От медальона. Его не было утром. Тебя видели, как ты шёл к старосте. Старый хрыч дал за него серебро. Где оно, я спрашиваю?

Расчеты в голове Элиаса завертелись с бешеной скоростью. Да, он взял медальон. Да, отнес его старосте, который иногда скупал старье у проезжих торговцев. Тот дал немного – всего пять медяков, но для Элиаса это было целое состояние. Он не купил еды. Он не купил обновку. Он пошел к торговцу Сэму, в его драгоценную палатку с книгами, и положил эти монеты на прилавок, попросив отложить для него тяжелый фолиант по корабельной архитектуре – с гравюрами, чертежами и схемами, от которых захватывало дух.

Книга стоила втрое дороже. Но Сэм согласился подождать. Он знал, что Элиас умный – такой обязательно найдет способ достать остальное.

Врать сейчас было бесполезно. Алрик видел его насквозь, когда дело касалось денег. Правда – означала немедленную агрессию. Но и ложь имела высокий процент раскрытия.

Элиас выбрал полуправду:

– Я купил еды. Хлеб, сыр. Вон, на полке.

– Врёшь! – Алрик ударил кулаком по столу так, что кружки подпрыгнули и одна опрокинулась, расплескав остатки самогона по грязным доскам. – Торгаш Сэм говорил, ты у него вчера торчал, у книжной палатки! Глаза свои сжег, читал! Где серебро?!

Процент успеха упал до нуля.

Элиас закрыл глаза на секунду. Перед внутренним взором встала та книга – тяжелая, пахнущая кожей и типографской краской, с гравюрами кораблей, рассекающих волны. Ему так

хотелось узнать, как они устроены. Как распределяется нагрузка на корпус. Как ветер давит в паруса. Какой угол наклона мачты позволяет выжать максимум скорости.

Книга, которая стоила втрое дороже, чем дали за медальон.

– Я хотел купить книгу, – выдохнул он.

Слова повисли в воздухе, глупые, безнадежные, детские.

Наступила тишина. Марта замерла в своем углу, став похожей на восковую фигуру. Алрик смотрел на сына – и в его глазах разгоралось что-то страшное.

Потом он засмеялся. Коротко, сухо, как треск ломающейся кости.

– Книгу. – Он перевел взгляд с сына на жену. – Слышишь, Марта? Он продал память о моем отце за бумагу с закорючками.

– Алрик, прошу тебя... – начала было мать, делая шаг вперед.

– Молчать!

Отец шагнул к Элиасу. Мальчик отступил, наткнулся спиной на стену. Все расчеты рассыпались в прах. Оставался только животный страх, горячий и липкий.

– Ты думаешь, ты лучше нас? – Алрик навис над ним, закрывая собой весь свет. Его дыхание обжигало лицо, пахло перегаром и гнилью. – Умнее? Ты – ошибка. Пятно на нашей жизни. И я сейчас научу тебя настоящей науке.

Первый удар, открытой ладонью по голове, был оглушающим. Звон в ушах заглушил крик матери. Второй, кулаком в живот, выгнал весь воздух из легких. Элиас согнулся пополам, книга выпала из его рук и шлепнулась в лужу пролитого самогона, жадно впитывая в себя грязную жижу.

– Будешь знать... как считать... чужое! – рычал отец, и удары сыпались градом – по плечам, по спине, по голове. Элиас уже не считал их. Мир сузился до боли и до хриплого, пьяного голоса над ухом.

Где-то далеко, сквозь пелену, он слышал, как мать плачет и просит остановиться. Но она не подходила. Никогда не подходила. Только плакала и просила.

Потом всё стихло.

Элиас лежал на грязном полу, уткнувшись лицом в доски, каждым ребром чувствуя боль. Он слышал тяжелое дыхание отца, его шаги по комнате. Сквозь заплывший глаз увидел, как сапоги Алрика подошли к двери.

– Куда ты? – испуганно спросила Марта.

– Туда, где этого дармоеда оценят по достоинству, – прорычал Алрик. – Слышал я, в порту на «Хамелеоне» людей в дальний путь набирают. Платят серебром на руки. За крепких берут немного, но он... – отец пнул ногой лежащего Элиаса, – он у нас умный. Пусть его ум покупают. Может, хоть там он пригодится.

Марта вскрикнула, но не сделала ни шага. Только прижала руки к груди и смотрела на сына широко раскрытыми глазами.

Элиас попытался встать, но тело не слушалось. Руки и ноги были ватными, перед глазами плыли круги. Грубые пальцы вцепились в его куртку, рванули вверх, оторвали от пола и потащили к выходу.

На пороге, в клубах въедливого тумана, Элиас обернулся.

Мать стояла в дверях, глядя ему вслед. В её глазах не было ужаса. Не было боли. Не было даже слез. Только усталое, безмерное, бесконечное облегчение.

И в этом взгляде Элиас прочитал всё то, что она не говорила ему никогда. Что он был обузой. Что она мечтала об этом дне. Что её молчание все эти годы было не слабостью, а ожиданием.

Она хотела, чтобы его забрали.

Отец вышвырнул его в холодную ночь. Элиас упал лицом в грязь, но даже не почувствовал этого. Он смотрел сквозь мутную пелену тумана на дверь, за которой осталась его жизнь.

Последнее, что он увидел перед тем, как Алрик поволок его прочь, был его учебник механики, оставшийся лежать на полу. Страницы намокли, переплет треснул, буквы расплывались в грязной жиже.

Прощай, – подумал Элиас. – *Прощай, мой единственный друг.*

Его вели по спящей деревне. Туман проглатывал звуки их шагов, делая мир ватным и нереальным. Алрик молчал, только тяжело дышал. Элиас тоже молчал. Боль постепенно отпустила, уступая место странному, ледяному спокойствию.

Он смотрел на проплывающие мимо избы – такие знакомые, такие чужие. Вот дом мельника, где он починил жернова. Вот колодец, у которого он объяснял соседским мальчишкам, почему вода поднимается, если крутить ворот. Вот церковь, куда его не пускали – боялись, что сглазит иконы.

Никто не вышел проститься. Никто не крикнул вслед. Слово его уже не существовало.

Когда они вышли на пустынную, заросшую бурьяном пристань, Элиас увидел корабль.

Он стоял у старого пирса – огромный, черный, с высокой мачтой, на которой горел одинокий фонарь, похожий на зловещий желтый глаз. На борту, едва различимые в темноте, виднелись буквы: «Хамелеон».

Алрик подтолкнул его к сходням. С корабля спустился человек – широкоплечий, с лицом, исполосованным шрамами. Боцман, судя по плети, висевшей на поясе.

– Этот? – коротко спросил он, окинув Элиаса оценивающим взглядом.

– Этот, – Алрик сплюнул под ноги. – Говорят, умный. Читать умеет, читать. Может, сгодится.

Боцман хмыкнул, но ничего не сказал. Достал из-за пазухи кошелек, отсчитал несколько монет. Алрик жадно схватил их, пересчитал, сунул за пазуху.

– Бывай, – бросил он, даже не взглянув на сына, и зашагал обратно в туман.

Элиас смотрел ему вслед, пока спина отца не растворилась в серой мгле. Смотрел и ждал. Ждал, что тот обернется. Хоть раз. Хоть на миг.

Алрик не обернулся.

Боцман положил тяжелую руку Элиасу на плечо и подтолкнул к сходням.

– Шевелись, малец. Время – деньги.

Элиас сделал шаг. Потом другой. Доски скрипели под ногами, пахло смолой и рыбой, где-то в трюме плакал ребенок.

В голове, привыкшей всё раскладывать по полочкам и находить ответы на любые вопросы, крутилась одна-единственная, бессмысленная теперь формула. Задача, которую он не мог решить.

Если отец – это X , а сын – это Y , и их сумма равна нулю, то чему равно Y ?

Он перебирал переменные, менял знаки, подставлял значения. Ничего не сходилось.

Боцман подтолкнул его в спину, и Элиас провалился в темноту трюма.

Там, внизу, было холодно, сыро и воняло гнилью. Кто-то застонал во сне. Кто-то забормотал молитву. Элиас нащупал руками доски, присел, прижался спиной к стене и закрыл глаза.

Если отец – это X , а сын – это Y ...

Ответ пришел сам. Простой, как дважды два. Страшный, как правда.

* $Y = \text{раб.}$ *

Элиас открыл глаза и посмотрел в темноту.

Где-то там, в мире формул и чисел, остались звезды, которые можно было сосчитать, и ветер, скорость которого можно было измерить. А здесь, в трюме «Хамелеона», начиналась другая жизнь.

Жизнь, в которой не было уравнений.

Только выживание.

II

Он очнулся от того, что кто-то наступил ему на руку.

Грязный сапог проехался по пальцам, и Элиас зашипел сквозь зубы, мгновенно приходя в себя. Резкая боль в боку, пульсирующая боль в голове, тошнота – тело услужливо составило полный каталог страданий за доли секунды.

Темнота была абсолютной.

Ни звезд, ни тумана, ни даже щели света. Только тяжелый, спертый воздух, пропитанный запахами пота, гнилой соломы и чего-то кислого, похожего на рвоту. Под спиной – доски, мерно покачивающиеся в такт глухому, ритмичному скрипу. Где-то рядом всхлипывал ребенок, кто-то кашлял надрывно, по-стариковски, хотя стариков здесь быть не могло – только дети.

Корабль.

Память вернулась ударом, не слабее отцовского кулака: ночь, пристань, черный силуэт «Хамелеона», холодные руки, впившиеся в плечи, и запах – перегар и злоба, исчезнувший, сменившийся этой вонью трюма.

Элиас медленно сел, стараясь не задеть окружающих. Он почти физически ощущал их – десятки тел, сбившихся в кучу в этом деревянном аду. Тишина стояла неестественная, прерываемая лишь всхлипами, кашлем и чьим-то бессвязным бормотанием во сне.

Инвентаризация, – мысленно скомандовал он себе. – *Состояние организма.*

Он методично, как учил себя годами, прошелся по каждой части тела. Ребра: минимум два ушиблены, возможно, треснуты. Дышать больно, но можно. Левая рука: саднит, но двигается. Глаз: заплыл, но видит. Голова: цела, хоть и раскалывается. Самое главное оружие – мозг – функционировало.

Элиас выдохнул, насколько позволяли ребра. Хорошо. Он жив. Он в трюме работорговческого корабля. Формула упростилась до предела: жить = дышать + думать + ждать.

– Эй, новенький, – прошелестел голос справа, сухой, как осенний лист. – Долго ты будешь там сидеть? Место занимаешь.

Элиас повернул голову и сквозь темноту разглядел очертания человека, скорчившегося у стены. Старик? Нет, голос слишком молодой, просто выпитый, выжатый, как лимон.

– Извини, – сказал Элиас и тут же поморщился – горло драло, словно он наглотался песка. – Я... не понимаю, где я точно.

– В аду, – хрипло хохотнул кто-то слева. – В плавучем аду. Добро пожаловать на борт «Серебряной смерти», малец.

– «Хамелеон», – машинально поправил Элиас. – Корабль называется «Хамелеон». Я видел название.

Короткая пауза. Потом тот же голос, удивленно:

– Грамотный, значит. Считаешь, умеешь. Долго ты здесь не протянешь, умник. Здесь таких не любят.

Элиас промолчал. Он уже привык к этой фразе. «Таких не любят». Он слышал ее всю свою короткую жизнь.

Скрип дощатого пола усилился. Корабль качнуло сильнее, и где-то наверху раздались тяжелые шаги, топот сапог по палубе. Трюм затих, как зверь, почуявший опасность.

– Кормят раз в день, – зашептал сухой голос справа, видимо, решив проявить милосердие к новичку. – Воды дают – только чтобы не сдохли. Если поднимешься наверх без спросу – плетью или за борт. Выбор за капитаном. Здесь главный – боцман Грэг, зверь лютее цепных псов. Не перечь ему – убьет и не поморщится.

– А кто нас купит? – спросил Элиас, пытаясь выстроить модель происходящего.

– Кому повезет, – вздохнул сосед. – Кто на рудники, кто в услужение богатым ублюдкам. Если повезет – попадешь к тому, кому

Одет в темно-синий камзол дорогого сукна, с серебряными пуговицами. В руках – трость из черного дерева, но он опирался на нее скорее для элегантности, чем из нужды.

Но главное – глаза. Светло-серые, почти прозрачные, они смотрели на Элиаса с таким интересом, будто видели перед собой не оборванного мальчишку с заплывшим глазом и трясутыми руками, а... решение сложной задачи.

– Это тот? – тихо спросил старик у боцмана. Голос у него оказался негромким, но удивительно четким, каждое слово звучало отдельно.

– Он самый, ваша милость, – боцман, этот зверь, мгновенно изменился в лице, став почти угодливым. – Вчера привезли. Сказывают, местный гений. Считать, читать умеет.

– Подойди, мальчик, – старик поманил Элиаса пальцем.

Элиас сделал шаг, потом другой. Ноги дрожали, но не от страха. От слабости и от странного, незнакомого чувства – на него смотрели не с презрением, не с животным любопытством, не с равнодушием. С *оценкой*. Слово он был не товаром, а... находкой.

– Как тебя зовут полностью? – спросил старик.

– Элиас. Просто Элиас, – голос сел, пришлось откашляться. – Элиас из деревни Грохот.

– Из деревни Грохот, – повторил старик, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку. – Говорят, ты умеешь считать. Не просто складывать монеты, а... думать числами. Это правда?

Элиас замешкался. Лгать? Не лгать? Если этот человек – покупатель, правда может его отпугнуть. Слишком умный раб – опасный раб. Так всегда говорили в деревне.

Но врать этому человеку... было страшно. Его глаза видели насквозь.

– Я... вижу мир как формулы, – выдохнул Элиас. – Механизмы, траектории, движение. Я могу просчитать, как что работает. Или не работает.

Тишина повисла на палубе. Даже ветер, казалось, стих. Боцман округлил глаза – видимо, от такой наглости. Матросы переглянулись. А старик... старик улыбнулся. Легко, чуть заметно, одними уголками губ.

– Просчитать, как что работает, – повторил он, смакуя слова. – Ты понимаешь, мальчик, какую редкость ты описал? Не силу. Не ловкость. Даже не хитрость. Понимание. Истинное, глубинное понимание причин и следствий.

Он сделал шаг вперед, оказавшись совсем близко. От него пахло дорогим мылом и чем-то чужеземным, пряным.

– Протяни руку, – вдруг сказал он.

Элиас, не понимая зачем, протянул правую руку. Старик взял её своими сухими, теплыми пальцами и перевернул ладонью вверх.

Узор спирали, темный, вьёвшийся в кожу, открылся взгляду.

Элиас увидел, как лицо старика на мгновение каменеет. Пальцы дрогнули. Глаза расширились – всего на миг, но Элиас успел заметить. Потом старик быстро овладел собой, отпустил руку и выпрямился.

– Интересно, – сказал он ровным голосом. – Очень интересно.

– Ваша милость? – боцман подался вперед. – Что-то не так?

– Всё так, – старик не сводил глаз с Элиаса. – Я беру этого мальчишка. Оформляй бумаги.

Боцман, только что готовый разорвать Элиаса за дерзость, теперь смотрел на него с почтительным недоумением. А старик уже повернулся и пошел к корме, бросив через плечо:

– Иди за мной, Элиас из деревни Грохот. Нам есть о чем поговорить.

Элиас пошел. Ноги несли его сами, без участия сознания. Сзади, в трюме, остались пятьдесят три человека, которым повезло меньше. Впереди шел человек, от которого теперь зависело всё.

И в голове Элиаса, привыкшей всё раскладывать по полочкам, билась одна, не поддающаяся расчету мысль:

Он увидел шрам. И что-то понял. Что?

Каюта лорда Кассиана оказалась отдельным миром.

Элиас застыл на пороге, забыв дышать.

Дубовые панели на стенах, медная лампа под потолком, большой стол, заваленный картами и свитками, мягкое кресло, в которое старик опустился с видимым удовольствием. И книги. Книги, книги, книги – на полках, на столе, даже на полу стопками. Кожаные переплеты, тисненные корешки, закладки из разноцветных лент.

Элиас никогда не видел столько книг сразу. В его деревне книг не было вообще – только старая потрепанная псалтырь у священника, да и ту он никому не давал. А здесь...

Это было прекраснее любого сокровища.

– Нравится? – лорд Кассиан проследил за его взглядом. – Любишь читать?

Элиас кивнул, не в силах говорить.

– Хорошо. Это я тоже учел, – старик указал на стул напротив себя. – Садись. Не бойся. Я не кусаюсь. Во всяком случае, без повода.

Элиас сел, всё еще ошеломленный. Кассиан налил из графина в два стакана какую-то янтарную жидкость и пододвинул один Элиасу.

– Пей. Это сок. Ты голоден?

– Да, – выдавил Элиас.

Кассиан щелкнул пальцами, и откуда-то из-за шторы возник матрос – Элиас даже не заметил его раньше. Тот принял распоряжения и исчез так же бесшумно. Через минуту перед Элиасом стояла тарелка с хлебом, сыром и куском холодного мяса.

– Ешь не спеша, – сказал Кассиан, наблюдая, как Элиас впивается зубами в хлеб. – У нас есть время. Корабль идет на остров Веспер, путь неблизкий. Мы успеем поговорить подробно.

– Что такое Веспер? – спросил Элиас с набитым ртом, потом смутился, но Кассиан лишь усмехнулся.

– Школа, Элиас. Особенная школа для особенных детей. Таких, как ты.

– Рабов? – горько уточнил мальчик.

Кассиан помолчал, отпил из своего стакана, потом поставил его на стол и посмотрел на Элиаса в упор:

– Ты раб здесь и сейчас, потому что кто-то решил, что твоя жизнь стоит пары серебряных монет. В школе тебе дадут шанс перестать быть рабом. Но для этого тебе придется стать кем-то большим. Воином. Стратегом. Оружием. Выбор за тобой.

– Выбор? – Элиас чуть не поперхнулся. – У раба нет выбора.

– Глупость, – отрезал Кассиан жестко. – Выбор есть всегда. Даже у приговоренного к смерти. Выбрать, как встретить конец – с достоинством или на коленях. Ты выбрал жить, когда очнулся в трюме. Ты выбрал говорить правду, когда я спросил о твоём даре. Ты делаешь выбор каждую секунду. Просто не замечаешь этого.

Элиас замолчал, перебарывая услышанное. Никто никогда не говорил с ним так. Как с равным. Как с... человеком.

– Я помогу тебе, – добавил Кассиан тише. – Не из жалости. Я не верю в жалость. Я верю в потенциал. В тебе есть потенциал, Элиас. Огромный, как океан за этим бортом. Но океан может быть спокойным, а может убивать штормами. Чем ты станешь – решишь ты сам.

За иллюминатором плескалась вода. Где-то в трюме снова заплакал ребенок. А Элиас сидел в тепле и сытости, смотрел на человека, купившего его, как вещь, и чувствовал то, чего не испытывал никогда в жизни.

Он чувствовал себя... *увиденным*.

Впервые кто-то посмотрел на него и не отвел взгляд с отвращением или страхом. Впервые кто-то назвал его ум не проклятием, а даром. Впервые кто-то пообещал выбор.

И это было страшнее, чем побои отца.

Потому что теперь у Элиаса появилось то, что можно потерять.

– Я... я постараюсь, – выдохнул он, не зная, правильно ли говорит.

Кассиан кивнул, удовлетворенный. Взял с полки книгу, пролистал несколько страниц и протянул Элиасу:

– На, почитай. До острова еще три дня. Успеешь привыкнуть к мысли, что твоя жизнь изменилась.

Элиас взял книгу дрожащими руками.

Корабельная архитектура. Гравюры, чертежи, расчеты нагрузок, схемы парусного вооружения. Та самая книга, которую он мечтал купить на ярмарке. Та самая, из-за которой его продали в рабство.

Он поднял глаза на Кассиана. Тот уже углубился в свои карты, но краем глаза, кажется, следил за реакцией мальчика.

– Спасибо, – прошептал Элиас.

– Не за что, – не поднимая головы, ответил старик. – Это не подарок, Элиас. Это инвестиция.

Элиас не понял слово «инвестиция». Но книгу прижал к груди так крепко, будто она могла исчезнуть, как сон.

Ночью Элиас проснулся от того, что кто-то смотрит на него.

Он лежал на узкой койке в углу каюты – Кассиан велел матросам принести матрас и одеяло. В каюте было темно, только лампа под потолком горела тусклым, дежурным светом. И в этом свете Элиас увидел силуэт.

Кассиан сидел в кресле напротив и смотрел на него.

Не просто смотрел – изучал. В руках у него был маленький портрет – женщина с тонкими чертами лица и большими глазами. Кассиан переводил взгляд с портрета на лицо Элиаса и обратно.

Элиас замер, притворяясь спящим. Сердце колотилось где-то в горле.

– Вылитая мать, – услышал он тихий шепот. – Я нашел тебя, сын Лиры. Прости, что так поздно.

Кассиан вздохнул, спрятал портрет за пазуху, встал и вышел из каюты.

Элиас лежал, не шевелясь, и смотрел в темноту.

Сын Лиры.

Его мать звали Марта. Или нет?

Он вдруг остро, до боли, вспомнил её лицо в дверях. Облегчение. Не вина, не горе – облегчение. И слова, которые она сказала тогда, когда отец тащил его к двери: *«Прости. Я не могла сказать. Он убил бы тебя раньше.»*

Кто убил бы? Отец? Или кто-то другой?

И кто такая Лира?

Ответов не было. Только вопросы, множащиеся, как трещины на стекле.

Элиас закрыл глаза и попытался уснуть. Но сон не шел.

Где-то за бортом плескалось море. Корабль плыл в неизвестность. А в голове у мальчика, привыкшей всё раскладывать по полочкам, крутилась новая формула:

Прошлое = X + Y. Настоящее = неизвестность. Будущее = ?

Он не знал ответа. Но чувствовал, что очень скоро узнает.

Очень скоро.

III

Утро на корабле начиналось с криков чаек и топота матросских сапог.

Элиас проснулся от того, что кто-то громко засвистел за дверью каюты – длинная, заливи-стая трель, от которой заложило уши. Он сел на своей узкой койке, протирая глаза, и несколько секунд не мог понять, где находится. Потом память вернулась – вместе с запахом соли, дерева и чего-то вкусного, доносящегося с палубы.

Каюта была пуста. Кресло Кассиана аккуратно задвинуто, стол прибран, карты свернуты в трубки. Только на столешнице стояла тарелка с ломтем хлеба, куском сыра и кружка с водой.

Элиас спустил ноги с койки и поморщился – тело ломило после вчерашнего, но это была привычная боль, не та, от которой хочется выть. Он быстро съел завтрак, жадно, почти не жуя, запил водой и огляделся.

Вчерашняя книга лежала на стуле рядом с койкой – Кассиан, видимо, положил её туда, пока Элиас спал. Он взял её в руки, провел пальцем по корешку, по тисненой коже. «Основы корабельной архитектуры и принципы мореходства». Тяжелая, пахнущая типографской краской и чем-то еще, неуловимо приятным.

Моя, – подумал Элиас, и от этой мысли по спине побежали мурашки. – *Моя книга.*

Впервые в жизни у него была вещь, которую он мог назвать своей по праву, а не потому, что сумел украсть и спрятать.

Он открыл книгу на первой странице и провалился в чтение.

Чертежи кораблей, схемы рангоута, расчеты грузоподъемности, формулы определения центра тяжести – всё это было для него слаще меда. Он жадно впитывал страницу за страницей, мысленно разбирая конструкции, проверяя расчеты, находя ошибки и удивляясь гениальности древних мастеров.

Время исчезло.

Он очнулся только тогда, когда дверь каюты открылась и вошел Кассиан.

– Уже читаешь? – старик улыбнулся, снимая камзол и вешая его на спинку кресла. – Похвальное усердие. Но не забывай и о других потребностях. На палубе свежий воздух и солнце. Прогуляйся.

Элиас смутился, захлопнул книгу и встал.

– Я... можно?

– Можно, – Кассиан кивнул. – Ты не пленник в этой каюте, Элиас. Ты мой гость. Пока мы в море – ты свободен ходить по кораблю. Только к трюму не приближайся, там боцман Грэг не любит посторонних.

– Спасибо, – выдохнул Элиас и, не зная, что еще сказать, выскользнул за дверь.

Палуба встретила его ветром и солнцем.

Настоящее море оказалось совсем не таким, как он представлял по картинкам в книгах. Оно было живым, дышащим, огромным – серо-зеленые волны уходили к горизонту, сливаясь с небом в мутную линию. Чайки кричали, кружа над мачтами. Ветер трепал волосы и охлаждал щеки.

Элиас глубоко вдохнул и зажмурился от удовольствия.

– Эй, малец! – окликнул его кто-то. Элиас обернулся.

На скамье у борта сидел матрос – молодой, веснушчатый, с рыжей щетиной на подбородке. Он чинил сеть, ловко орудуя толстой иглой.

– Ты тот самый, кого его милость купил?

– Я, – осторожно ответил Элиас.

– Иди сюда, не бойся, – матрос похлопал по скамье рядом с собой. – Чего стоишь, как вкопанный? Море надо любить. Оно теперь твой дом.

Элиас подошел, сел. Матрос покосился на него, усмехнулся:

– Тощий какой. Кормили плохо?

– Не очень, – Элиас пожал плечами.

– У его милости откормишься. Он добрый, хоть и строгий. Я на этом корабле пятый год хожу, ни разу не пожалел.

– А куда мы плывем? – спросил Элиас, глядя на волны.

– На Веспер. Остров такой. Там школа для одаренных. Говорят, туда со всего мира детей везут. Самых умных, самых сильных, самых ловких. Учат всему, что надо для большой жизни.

– Для какой жизни? – не понял Элиас.

Матрос понизил голос:

– Для той, где правят сильные. Война на материке, слышал небось? Короли дерутся за земли, а им нужны солдаты. Но не простые, а с искрой. Чтоб могли больше, чем обычный человек.

– Искрой? – Элиас вспомнил вчерашний разговор с Кассианом. – Вы про дар?

– Про него, – кивнул матрос. – У каждого свой. Кто силой берет, кто скоростью, кто умом. Ты, говорят, считать горазд? Ну, значит, твоя искра – в голове. Такие тоже нужны. Стратеги, инженеры, строители.

Элиас задумался. Война. Солдаты. Стратеги. Он никогда не думал о своем даре как о чем-то полезном для войны. Для него это был просто способ понимать мир.

– А вы? – спросил он. – У вас есть искра?

Матрос рассмеялся:

– Я? Нет, малец. Я простой. Моя искра – руки да спина. Зато я знаю море. Это тоже дар, только другой.

Они помолчали. Где-то на корме закричали матросы, ставя парус. Ветер крепчал, волны становились выше.

– Слушай, – вдруг сказал матрос, – а что у тебя на руке? Шрам такой занятный?

Элиас машинально сжал ладонь в кулак, пряча спираль.

– С рождения. Упал в костер, говорят.

– В костер, значит, – матрос хмыкнул. – А похож на клеймо. У нас на родине такие рабам ставят, только попроще. А этот узор занятный. Прямо как...

Он не договорил. На палубу вышел Кассиан.

– Элиас, – позвал он. – Иди сюда. Есть разговор.

Элиас встал, кивнул матросу на прощание и пошел к старику.

Кассиан провел его в свою каюту, усадил за стол и сам сел напротив.

– Ты много читал сегодня? – спросил он.

– Много, – Элиас кивнул. – Книга удивительная. Я даже не думал, что корабли такие сложные.

– Мир вообще сложнее, чем кажется, – Кассиан внимательно смотрел на него. – Особенно для тех, кто умеет видеть глубину. Ты умеешь, Элиас. Это редкий дар.

Он помолчал, потом достал из ящика стола лист бумаги и карандаш.

– Нарисуй мне что-нибудь. Что хочешь.

– Что нарисовать? – не понял Элиас.

– Всё равно. Что первое в голову придет.

Элиас взял карандаш. Рука замерла над бумагой. Что первое? Он подумал о море, о корабле, о книге. И вдруг, сам не зная почему, начал рисовать спираль.

Ту самую, что была у него на руке.

Он рисовал ее сотни раз в детстве – на песке, на запотевшем стекле, на полях украденных книг. Она выходила сама собой, без усилия, словно рука помнила эту линию наизусть.

Кассиан смотрел на рисунок, и лицо его становилось всё серьезнее.

– Откуда ты знаешь этот знак? – спросил он тихо.

– Не знаю. Просто... он сам рисуется. Я всегда его рисую, – Элиас смутился. – Это плохо?

– Нет, – Кассиан покачал головой. – Не плохо. Это... удивительно.

Он взял рисунок, долго рассматривал, потом отложил в сторону.

– Элиас, что ты помнишь о своем раннем детстве? До того, как стал жить в деревне?

– Почти ничего, – честно ответил Элиас. – Мать говорила, я был маленький, когда мы туда переехали. А до этого... не помню. Иногда сны снятся. Странные.

– Какие сны?

– Будто я в большом доме. Красивом. Там много книг и тепло. И женщина... она меня обнимает. Но лица не вижу, только руки.

Кассиан закрыл глаза на мгновение, потом открыл.

– А что с руками?

– Не знаю. Просто... они не такие, как у Марты. Тонкие, с кольцами. И пахнут цветами. Тишина повисла в каюте. Кассиан молчал так долго, что Элиас забеспокоился.

– Ваша милость?..

– Зови меня Кассиан, – старик открыл глаза. – Просто Кассиан. Мы не на официальном приеме.

– Кассиан, – повторил Элиас, пробуя имя на вкус. – Вы знаете что-то, чего не знаю я. Про меня.

– Знаю, – Кассиан кивнул. – Но не всё. И не сейчас. Тебе рано знать. Ты еще не готов.

– А когда буду готов?

– Когда пройдешь Испытание. Когда станешь сильнее. Когда сможешь защитить себя. Тогда я расскажу тебе всё.

Элиас сжал кулаки. Ему хотелось кричать, требовать, выбить правду силой. Но он понимал: силой тут ничего не добьешься. Кассиан сильнее, старше, умнее. Оставалось только ждать.

– Хорошо, – сказал он ровно. – Я подожду.

Кассиан посмотрел на него с уважением:

– Ты умеешь ждать. Это хорошо. Терпение – тоже дар.

В дверь постучали. Вошел матрос:

– Ваша милость, на горизонте остров. К вечеру будем на месте.

Кассиан кивнул и встал:

– Собирайся, Элиас. Твоя новая жизнь начинается.

Элиас вышел на палубу, когда солнце уже клонилось к закату.

Остров вырос из моря, как темная глыба – скалистый, неприступный, с высокими утесами, на которых гнездились птицы. Но по мере приближения Элиас разглядел детали: в скалы были встроены здания, башни, переходы. Где-то горели огни, виднелись причалы с кораблями.

– Красиво, правда? – раздался голос рядом. Элиас обернулся. Рядом стояла девочка – примерно его возраста, темноволосая, с быстрыми, цепкими глазами.

Он не заметил, как она подошла. Вообще не слышал шагов.

– Ты кто? – спросил он.

– Лана, – девочка усмехнулась. – Тоже товар, как и ты. Только меня везут не с материка, а с южных островов. Я там воровкой была, пока не попалась.

– Воровкой? – Элиас удивился ее откровенности.

– Ага. Быстро бегаю, ловко лазаю. Дар такой. Теперь тут буду учиться, – она пожала плечами. – А ты?

– Элиас. Я... считаю хорошо. И читаю.

– Умный, значит, – Лана окинула его оценивающим взглядом. – Худой больно. Кормить здесь будут – может, поправишься.

Она говорила легко, без злобы, и Элиас вдруг понял, что ему нравится эта девочка. Несмотря на ее дерзость, в ней не было того, к чему он привык в деревне – презрения и страха.

– А это кто? – Лана кивнула на палубу, где стояла группа детей – их вывели из трюма, чтобы показать остров.

Элиас присмотрелся. Среди них выделялся один – крупный, широкоплечий мальчик, старше остальных. Он стоял спокойно, смотрел на остров без страха.

– Не знаю, – сказал Элиас. – Познакомимся – узнаем.

Корабль причаливал. С берега уже спускались люди – встречать новый груз.

Элиас глубоко вздохнул.

Новая жизнь начиналась.

Он еще не знал, что ждет его впереди. Но одно он понял точно: обратной дороги нет.

IV

Корабль ткнулся носом в причал с глухим деревянным стуком, от которого Элиаса качнуло вперед. Он вцепился в поручень и замер, разглядывая то, что открылось перед ним.

Остров Веспер был не просто островом. Он был крепостью.

Скалы вздымались к небу серыми, неприступными стенами, и в них, словно гнезда ласточек, были встроены здания – башни, переходы, галереи. Где-то высоко горели огни, мелькали тени. Внизу, у самой воды, тянулись доки, где покачивались на волнах корабли – десятки кораблей, больших и малых, с флагами разных стран.

А над всем этим, на самой вершине скалы, возвышалась огромная башня – темная, угловатая, похожая на каменный палец, указующий в небо. От нее веяло холодом и древностью.

– Веспер, – раздался за спиной голос Кассиана. Старик подошел неслышно, встал рядом, тоже глядя на остров. – Кузница Даров. Место, где из детей куют оружие.

– Оружие? – переспросил Элиас.

– Именно. Самое опасное оружие в мире – человек. Особенно если он наделен даром. Здесь учат не просто владеть собой. Здесь учат убивать, побеждать, выживать. Здесь из глины делают сталь.

Элиас поежился. Слова Кассиана звучали холодно, почти жестоко, но в них не было злобы. Только констатация факта.

– А те, кто не становятся сталью? – спросил он тихо.

– Остаются глиной, – Кассиан пожал плечами. – Глина тоже нужна. Для рудников, для черной работы, для удобрения полей. В мире всегда есть место для тех, кто не смог.

Элиас промолчал. Ему вдруг стало страшно. Не за себя – за себя он почему-то не боялся. За тех, кто сейчас стоял на палубе, смотрел на остров с надеждой и ужасом. За того мальчика из трюма, который плакал ночью. За девочку Лану, которая так бойко говорила о своем воровском прошлом, но сейчас стояла бледная и молчаливая.

Сходни опустились с тяжелым стуком. По ним уже бежали люди – встречающие, в темной форме, с суровыми лицами.

– Пора, – Кассиан легонько подтолкнул Элиаса к трапу. – Иди. Там тебя встретят и отведут в казарму. Я приду позже.

– Вы не пойдете со мной? – Элиас почувствовал, как внутри шевельнулась паника. Кассиан был единственным, кого он знал здесь. Единственным, кто казался... почти своим.

– Я приду, – повторил старик. – Но сначала ты должен пройти через прием сам. Так надо. Так заведено.

Элиас кивнул, сглотнул ком в горле и шагнул на сходни.

Ноги ступили на деревянный настил причала. Пахло морем, рыбой и еще чем-то незнакомым – смолой? железом? кровью? Элиас оглянулся: за ним шли другие дети, человек двадцать. Кто-то плакал, кто-то шел молча, опустив голову. Только Лана шагала с независимым видом, разглядывая остров с любопытством.

Встречающий – высокий мужчина с холодными глазами и нашивками на рукаве – пересчитал их, сверился со списком и махнул рукой:

– За мной. Не отставать, не разговаривать, не оглядываться. Нарушителей – плеть.

Они двинулись вверх по каменной лестнице, вырубленной прямо в скале. Ступени были скользкими от влаги, перила – ржавыми. Элиас считал шаги, чтобы отвлечься от страха. Двести тридцать семь. Двести тридцать восемь. Двести тридцать девять.

Наверху их встретил двор – огромный, вымощенный камнем, окруженный высокими стенами. В центре бил фонтан – странно, почти неуместно здесь, среди этой суровой архитектуры.

По двору сновали люди в форме – инструкторы, судя по уверенным движениям и плетям на поясах.

– Стоять! – рявкнул провожатый. – Ждать!

Дети замерли. Элиас огляделся. Справа виднелись казармы – длинные низкие здания с рядами окон. Слева – столовая, судя по запаху еды. Прямо – массивные двери, ведущие, видимо, внутрь скалы.

– Эй, – шепнула Лана, стоящая рядом. – Смотри.

Элиас посмотрел, куда она указывала, и увидел их.

Двое.

Они стояли в тени арки, не приближаясь, но глядя прямо на группу новичков. Огромный, как гора, мужчина с цепью, обмотанной вокруг кулака, и тонкая, бледная девушка с длинными светлыми волосами и странной улыбкой. От них веяло холодом.

– Кто это? – прошептал Элиас.

– Не знаю, – Лана поежилась. – Но они страшные.

Девушка вдруг подняла руку и помахала им. Медленно, лениво, словно кошка лапой. И улыбнулась шире.

Элиас отвернулся. Ему стало не по себе.

– Новенькие! – раздался зычный голос. Из дверей вышел человек – коренастый, с седыми висками и шрамом через всю щеку. На поясе у него висел короткий меч, а в руке он держал плеть, которой поигрывал с пугающей ловкостью. – Слушайте сюда! Я – мастер Горин. Я буду учить вас драться. Здесь вы никто. Здесь вы – глина. Из вас будут лепить воинов. Кто не захочет – сломается. Кто сломается – отправится в рудники. Вопросы?

Тишина. Дети молчали, вжав головы в плечи.

– Хорошо. Значит, поняли. Теперь – распределение. По одному подходите к столу, называете имя и дар. Быстро!

Началась толчея. Элиас стоял в очереди, слушая, как другие называют себя. Кто-то говорил о силе, кто-то о скорости, кто-то о том, что видит в темноте. Мастер Горин кивал, записывал что-то в журнал и отправлял дальше.

Наконец подошла очередь Элиаса.

– Имя? – рявкнул Горин, не глядя на него.

– Элиас. Из деревни Грохот.

– Дар?

– Я... считаю. Быстро. И вижу, как работают механизмы.

Горин поднял глаза. Посмотрел на него оценивающе, прищурился:

– Считаешь, значит. Стратег, стало быть. Такие тут нужны. Иди в третью казарму, к остальным умникам.

– Спасибо, – выдохнул Элиас и отошел.

Лана уже ждала его у входа в казарму. Рядом с ней стоял тот самый крупный мальчик, которого Элиас заметил на корабле.

– Знакомься, – Лана кивнула на него. – Это Рейн. Он из рудников. Говорит, у него дар силы.

– Здорово, – Рейн протянул огромную ладонь. Элиас пожал – рукопожатие было крепким, но не грубым.

– Я Элиас.

– Знаю. Лана рассказала. Ты умный, да? Считаешь умеешь?

– Умею.

– Классно. Я считать не умею. Зато могу поднять телегу одной рукой.

Он улыбнулся широко, добродушно, и Элиас вдруг почувствовал, что этот великан ему нравится. В нем не было угрозы, несмотря на размеры. Только сила и какая-то детская наивность.

– А вы чего стоите? – раздался насмешливый голос. – Место занимайте, пока остальные не расхватали.

К ним подошел мальчик – примерно одного возраста с Элиасом, но смотревший свысока, словно он здесь главный. Одет он был лучше других – куртка хорошего сукна, сапоги без заплат. Темные волосы зачесаны назад, на лице – надменное выражение.

– Я Кайл, – сказал он, не протягивая руки. – Из рода Кайленов. Слышали, небось?

– Нет, – честно ответил Элиас.

Кайл поморщился:

– Дикари. Ладно, чего ждать от деревенщины. Запомните: я здесь лучший. У меня дар боя – я чувствую, как драться, с рождения. Так что в турнире я буду в пятерке. А вы как хотите.

Он развернулся и ушел, даже не попрощавшись.

– Ну и тип, – фыркнула Лана. – Воображает, что ли?

– Может, и нет, – задумчиво сказал Элиас. – Если у него правда такой дар, он опасен.

– Плевать, – отмахнулся Рейн. – Главное, мы теперь вместе. А вместе мы сильнее.

Они вошли в казарму. Там было тесно, но чисто – ряды коек, тумбочки, в углу печка. На койках уже сидели дети, разбирая вещи. Кто-то плакал, кто-то просто сидел, глядя в одну точку.

Элиас выбрал койку у окна – оттуда было видно море. Сел, положил рядом книгу (единственное, что у него было) и выдохнул.

Новая жизнь началась.

Вечером, когда стемнело и детей отвели в столовую, Элиас снова увидел тех двоих – огромного мужчину с цепью и бледную девушку. Они сидели за отдельным столом, в углу, и никто не подходил к ним.

– Кто это? – спросил Элиас у проходящего мимо парня.

Тот опасливо покосился на странную пару и шепнул:

– Крикс и Вейл. Псы Морока. Не связывайся с ними. Они не ученики. Они – смерть.

– Морока? – переспросил Элиас, но парень уже ушел, торопливо, словно боялся, что его услышат.

Элиас посмотрел на тех двоих. Вейл, будто почувствовав его взгляд, повернулась и улыбнулась – той же медленной, холодной улыбкой, что и днем.

Элиас отвернулся.

Морок, – подумал он. – *Кто это? И почему его псы здесь?*

Ответов не было. Только вопросы, множащиеся в голове, как трещины на льду.

Ночью, лежа на жесткой койке и слушая, как за стеной шумит море, Элиас вдруг вспомнил рисунок, который нарисовал для Кассиана. Спираль.

Точно такая же, как на его руке.

Точно такая же, как на двери, ведущей в запретное крыло, которое он заметил, когда их вели в столовую.

Спираль.

*Что это значит? – думал он, засыпая. – *Что за знак? И почему он всюду?*

Сон пришел быстро, но был тревожным. Ему снилась женщина с тонкими руками и запахом цветов. Она гладила его по голове и шептала:

«Не бойся, маленький. Они не найдут тебя. Я спрячу. Я спасу.»

А потом её руки вдруг стали холодными, и женщина исчезла, а вместо неё появился темный силуэт с горящими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.